

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

Владимир Пархимчик

27 октября 2011

Таре #1

– Здравствуйте

– Здравствуйте

– Назовите, пожалуйста, Ваше имя и фамилию

– Фамилия моя Пархимчик Владимир Васильевич

– Какого года рождения Вы

– Года рождения 1925-ого

– Где Вы родились?

– Родился я в деревни Слопищи, Руденского района, ныне это Пуховичский район, Минская область

– Какое-то время тому назад к Вам заходили мои коллеги, и Вы рассказывали им о том, что Вы видели, что случилось с евреями в вашем населенном пункте. Мы пришли на этот раз, чтобы мы записали Ваши воспоминания на камеру на видео

– После окончания четырех класса я пошел у пятый класс, это средняя школа была расположена, двухэтажная средняя школа расположена в кирпичном здании средняя школа в местечке Шацк

– Шацк?

– Шацк

– Так называлось местечко?

– Да. В местечке в этом в основном население было, в самом местечке, евреи. Они занимались разными промыслами, там была швейная артель, была сапожная

артель, была артель так называлась «смак воды», с ягод делали ситро, напитки всевозможные. Естественно, у нашей школе проценау около пятидесяти было еврееу

– То есть Вы ходили туда, в школу, уже после пятого класса

– Были и учителя евреи. Мне хорошо запомнилась учительница немецкого языка Рахиль Абрамовна Смагаринская, по химии была Левина, вот забыл имя, отчество, Левина – очень хорошие учителя, хорошо преподавали свои предметы. Ну, и вот так мы учились.

– А кого-нибудь из детей по имени или по фамилии помните?

– Кого?

– Детей евреев, Ваших одноклассников

– Помню конечно, помню Дору Фридлен, Леву Гантмана и Итью, Иссаака Новодворца, который, кстати, должен сказать вам, уцелел от этого геноцида, он был у партизанах, после войны работал в Мински. Других у живых из евееу я не помню

– А повторите еще раз, пожалуйста, как звали этого Вашего одноклассника, который уцелел

– Новодворец фамилия его

– Новодворец, да?

– Исаак, да. Отчество я не помню тогда, но у школе звали Итей. Романоуский был еще, тоже Исаак. Ну, это то, что я помню.

– А скажите, пожалуйста, вот это местечко, Шацк, как далеко находилось от вашей деревни?

– Ой, слушайте, оно находилось 7 километрау. Надо было ходить пешком, тогда не было какой-то моды или

возможностей, видимо, подвозить, поэтому в зимнее время, в завеи и в стужу мама договорилась – нанимала мне квартиру у старых евреяу. Я хорошо их помню – это Полей Нема и его супруга Сара. Они вели свое мелкое хозяйство, корову имели. Очень хорошие люди, хорошо ко мне относились, всегда просили, чтобы я у субботу домой не шел, помогал им. Они у субботу устраивали свои какие-то праздники

– Религиозные были?

– Дедушка Нема молился, какие-то ремни наворачивал, а потом, помочь корове вынести, они даже сами не могли зажечь спичку, «Зажги», я оставался, слушался их. Вот так вот взаимно помогали друг другу. Я может обгоняю время, они во время оккупации, когда немцы пришли, они, вот эти старики, приехали к нам в деревню со своей коровой и месяца два жили летом. Под очень «Хватит» - она говорит, «Уляна, мы надоели». Мама просит: «Не надо, побудьте еще. Пастись корове есть где еще». Они не послушались, я помню, как мама упрашивала, и все-таки уехали. Ну, и в скорости, где-то через неделю, две их расстреляли. Не только их, а и всех.

– А откуда Вы знаете, что их расстреляли? Откуда Вам известно, что их расстреляли потом?

– Ой, известно, это не только мне известно, всем людям известно. Вот устроили такой шабаш, извините за выражение, фашисты. Сначала они расстреляли мужчин, а первоначально создали как бы совет старейших, старейших еврееу мужчин и потребовали от их золото, драгоценности. Они собрали, что им за задание было, коменданту отдали. Тогда он еще потребовал через какое-то время. На второй раз не оказалось у них столько, сколько от их требовали. Начали, с мужчинами

расправились сначала, такого возраста, как бы могущих воевать, а потом всех, всех подряд.

– Вы лично видели, когда расстреливали мужчин?

– Я не видел...

– Не видели

– ... но я встречался с теми учениками, с учителями, которые видели, и это достоверно известно

– Они рассказывали Вам, да?

– Да, рассказывали кого своих убили. Еще один десятиклассник сбежал Капущик его фамилия, Ёсель Капущик. Вот во время, когда этих, так сказать, молодых еще мужчин построили, он пустился по задворкам, по домам, и сбежал, уцелел. Дальнейшую судьбу его я не знаю.

На моих глазах расстреляли еврея, уже в возрасте, он упал, я видел. Надо сказать, они же потребовали всем евреям пришить желтые латки на левой груди и на правой плече сзади, и вот те шились. На моих глазах возле речки, там речечка небольшая Шать, вынул свой, эты, парабэлум и выстрелил в еврея. Он упал.

А второй случай, это то, что я видел, убили, красивая была женщина, она не похожа на еврейку ничем, светлая была, жена начальника сплауканторы, по речку сплавляли плоты, лес заготовленный, Бараноускага жена, Бараноуски фамилия, звать ее, я не помню точно, Эмма или Элла, что-то в этом роде, это я видел своими глазами. А остальное все люди через людей передавали. Были же, сволочи, свои полицейские, это в основном из тех, как немцы шли, мелкие хулиганы, освободили тюрьмы, этыя из тюрем повозвращались, работать не хотели, пошли в полицию, оружия валялось много, отступали наши, так оставляли, и

вот они пошли и по-настоящему содействовали в расправе над евреями, дабы завладеть имуществом.

– Вы знаете таких?

– Тогда модно было никелеванные кровати мягкие, квартиры у них были неплохие, надо сказать, относительно к другим, может быть, лучше жили – вот это побудило вот эту распру.

– А Вы знаете таких вот полицейских, таких людей, которые пошли служить в полицейские, чтобы расправляться с евреями?

– Я вам назову: из белорусов пошло из моего класса человек четыре. Определенно я могу сказать: Гуренович по фамилии Орлуша, Орлоу почему-то звали его, мой одноклассник, Шурка звали его, Александ – Шурка Лукашевич стал переводчиком у коменданта, а получилась такая картина: как только первые немцы пришли, переводчицей у них была Тереза, немка по происхождению, она жила там, у местечки, все время и до оккупации, у нее было два сына Сандр и Тыдр, от Тыдр тоже учился у нашем классе, но где-то в начале 42-ого года она, видимо, уехала в Германию. На ее место прислали и поставили коменданта, Курт Вебер его звали, который, видимо, уже под Москвой бой был, как почувствовали немцы, вот тыловикуу, не годных быть на фронте, потому, что первые когда шли немцы, я хорошо видел, мы бегали смотреть, были нормальные и смеялись, и водой обливались, конфеты давали, а потом, вот этот Курт Вебер как приехал, откуда-то появился этот Шурка, его не было сначала. И это были два отпетые преступника, преступники такие, что всё кругом боялось. Жудость, беда и причина, расстреливали и белорусов уже, без причины, просто у потеху вошло им. Что получилось: примерно за полтора месяца до освобождения нашей территории, Шацка, а на

этого Вебера кругом все партизанские отряды и бригады охотились, он очень уворачивался сильно, а вот перед приходом красной армии он ехал у Минск на машине, несколько машин охраны з им, самодельную бомбу сделали из неразорвавшейся бомбы, и между Волок и Шацк лес хороший большой, его там подорвали машин, он погиб. В этой операции участвовал я, но в качестве проводника, я был совсем хиленький, а вот этия все дорожки, стежки знал, и партизанам по-моему рассказу начертили траншеи немецкие, где пушки, где пулеметы ихние стояли, но это, так сказать, боевые действия. А вот переводчик, этот Шурка скрылся, а в результате потом оказалось, что он присвоил себе имя документы погибшего красноармейца и немного, наверное, участвовал на фронте, потому, что дослужил аж до пятидесятого года, еще пять лет после войны, и уже когда я работал секретарем райкома комсомола, пошел в столовую хлеб купить, а там класный учитель наш Пирагоуски, вот пометьте себе, хороший был очень нашего класса Василий Филиппович Пирагоуски. Мороз был, зима, я говорю: «Василий Филиппович, вот же я рядом живу. Пойдем зайдём, согреемся». Он говорит: «Не, не, не, Володя». Я пристал так, что как так, он не задет ко мне? И он говорит: «Я еду с Петрозаводска. Вот это все свидетели едут, которые ездили отсюда. Судили Шурку Лукашевича, поймали». И от его я узнал этот секрет. Он оказывается после войны остался сверхсрочником, это ж я уже демобилизовался, это где-то середина пятидесятых лет. Его судили военным трибуналом, а это люди ездили, им командироуки оплатили и все, и вот они, и машину прислали, по тем временам одна или две машины было на район, с этой школы в район, брезентом обобитая. Отстал он от меня, так сказать, отбился. Это вот все свидетели. Оказывается, он остался на сверхсрочную, этот Лукашевич, и ему были поручены армейские вещевые склады. Там что-

то запутался, в этих вещевых складах и сбежал. Как дезертира его искать начали соответствующие органы. И тогда было модно с родителей начинать, даже привлекать родителей. По адресу в Сибири, поехали туда с фотографией, а те показывают похоронку: «Вот погиб». Тогда от яго они добились: «Кто ты такой?», и он признался, все рассказал. Дык вот ездили местные люди потерпевшие, и там, Василий Филиппович мне рассказывал, там охрана его даже допускала только сильно не надо, царапали его там, били. Приговорили, это достоверно, уже потом установили органы, к высшей мере – расстрелу без права на помилование, такая статья была.

– Я не поняла, кто его бил и царапал, из охраны или эти люди, которые приехали?

– Свидетели, которым...

– А, свидетели

– ну, которым нанес бед, ран. А он лично мою маму избил, знаете, трудно рассказать даже, с комендантом. Я увидел. Они во двор вошли, у нас была картошка, липа большая и картошка, я в эту картошку и слышал, как мама кричала, а он, этот Шурка: «Дзе эты твой прохвост сынок?», одноклассник мой. Я не знаю, что мною руководствовало, но я не поднялся, я вылежал это усе, посмотрел на избитую маму, тетка раньше, мамина сестра, ушла. Я уже был связан с партизанами, зимой с 41-ого на 42-ой год поехали за сеном на болото, там начали сено грузить. Дядька, мамин брат, пошел нашел мерзлые овечие шкуры начал собирать. Оказывается, за этим всем партизаны наблюдали. Забрали нас всех, завели в землянку: «Кто такие? Что?». Меня остановился, вот Прупес, начальник особого отдела, был такой подтянутый, очень порядочный человек, я его никогда не забуду, записал мой адрес, записал школу, «Знаешь ты кого там?». «Я всех знаю». Дык

с этого, как маму избили, это было летом, а уже знакомый меня посылал у гарнизон, я пошел к тетке и сказал, ему эту историю рассказал, и еще посидел сутки в подвале, полицейский какой-то выкинул меня утром, как говорят, под зад дал, но мне незнакомый, и возможно, это какой-то, даже, из наших, из Пруписа команды, чтоб я, «Чтоб больше духу твоего тут не было!». Я ему рассказал все, он говорит: «Тогда забирай свое, что у тебя есть», оружие ж главное надо было, я пулемет с танка отдал, он в музее стоит, до этого у партизанау. И я пришел в Воробьеуку, это от нашей деревни километров 15, там мамина сестра родная была замужем, а оттуда меня забрали в отряд.

– Я хочу, чтобы мы вернулись обратно, я не расспрашивала Вас больше о тех случаях, которые Вы упоминали раньше. Например, я хочу вернуться к истории с семьей Полей. О которой Вы рассказывали, да? Можно, вот эти пара пожилая, про которых Вы рассказывали, да, что они ушли из вашего дома. Куда они ушли?

– Вы медленнее мне скажите и громче

– А, хорошо. Вы рассказывали про двух евреев, Полей их фамилия, да?

– Да

– И Вы говорите, что они два месяца провели у вас

– Да

– а потом ушли

– Ушли к себе

– А куда они ушли?

– В местечко, обратно у свой дом

– А, они ушли обратно к себе в свой дом

– Да

- А там уже в местечке были немцы?
- Немцы уже были, они уже часть расстреляли людей
- Когда эта семья вернулась в местечко, уже часть людей была расстреляна?
- Уже, я вам говорил, мужчин молодых, начали с мужчин, таких, которые, ну, как бы призывного возраста. А они вернулись через какое-то небольшое время, и все подряд расстреляли. А вот эти события, я изредка ходил в местечко, мне давал Прупель задания: кто там в какой форме, этия немцы. Я узнал, что Тереза уже переводчицей не работает, я стремился встретиться с этим Тыдором, говорят: «Нету ее, она уехала у Германию. А вот Шурка это место занял». Они вернулись в свой дом со своей коровой, ну и все.
- А какой это год был, когда они вернулись в свой дом?
- А?
- Какой это год был?
- Это 41-ый год, осень
- 41-ый год, осенью
- Да, осень 41-ого года
- И тогда, осенью 41-ого года, больше не осталось евреев в Шацке?
- Всех они расстреляли, кто в местечке жил.
- До этого их где-нибудь держали, или они жили свободно, вот эти евреи?
- Нет, они как свободно, они, как, понимаете, стайкой сбились люди, они знали, в 39-ом году часть с Польши прибежала еврееу, и в том числе у соседей на квартире был польский еврей, и он рассказывал про этия злодеяния,

подлости. Дык вот не может, некоторые рассеялись, где-то появились, но я таких не знаю, никакого гетто, никакой колючей проволоки не было. Я ходил среди их, Геллер был за аптекой, его убили, а у аптеке в этой сделали нечто вроде клуба веселительного. Я один раз пришел туда, а моя девочка, уже так сказать, нравилась мне, сзади меня сидела, Галя Сименкевич, и танцует с немцем, и так на меня посмотрела, что «убирайся», не словами, но я понял, что... я ушел оттуда, вот начал ходить, высматривать и все Прупису этому рассказывать, Прупису. Еврей Прупис сам был, Леонид Ильич, кстати, совпадение с Брежневым.

– Этого Геллера, Вы видели, как убивали? Человека, который аптекой владел

– С коровой который?

– Нет

– Геллера, нет, я не видел, но говорили мои одноклассники и люди кругом

– А Вы знаете место, где их похоронили, евреев?

– Место есть, общественное кладбище, там мемориальная есть, ну, памятник, но она общественная могила, километра 2 или 3 от Шацка. Я только один раз там был, ну, просто ехал по пути, зашел посмотреть. Перечня нет, кто там похоронен, но я вам скажу, почти всех убили, вот, что я знаю, кто уцелел и навожу спрауки по этому Новодворцу, Итя Новодворец, говорят, что он умер. В одно время, вот если б я остался после освобождения, так пять лет еще служил.

– Знаете, что я не могу понять, я хочу лучше понять от Вас: Вы говорите, что евреев как бы расстреляли в группах, сначала мужчин, потом остальных, но Вы тоже рассказывали мне, что они носили знаки. Когда они успели поносить эти знаки? Сколько времени они носили?

- Слушайте, наверное, не больше недели прошло, как сдали команду всем евреям нашить латки желтые
- Ага, после недели, как немцы пришли
- Как пришли, оккупировали немцы, дали команду: всем, малым, старым, всем нашить латки этие. Местечко, вот они поншивали
- А вот эта пара Полей, которые пришли к вам жить, у них уже были нашивки такие?
- Нет
- Нет еще
- Еще тогда не было у их латок
- Не было
- Не было
- То есть они пришли до того, как немцы зашли, получается, к вам
- Ну, как немцы пришли, они пришли к нам. Я не могу сказать вам через сколько, через неделю или, лето было, это, наверное, июль был
- Но они точно не носили
- Нет, точно не носили. Они со своей коровой пришли, а у нас луга большие, леса, корова ходила. Хатка малая правда, но летом у сарае большом, где корм складывали, они ночевали, иногда у доме. Ну, рассказывали, боялись, слухами все земля наполнилась. Я в это время был занят знаете чем, сбором оружия. Оружия столько было много. Помню, как мама просила: «Побудьте еще. Куда? Вы успеете».
- А Вы потом часто видели евреев, которые носили вот эти знаки?

– Так я много видел у знакомых, носили, так объявлено было, как вам сказать, всем жидам вот эти отметки сделать.

– И этого старого человека, которого Вы говорили, что видели застрелили. Где это произошло?

– Это возле моста. Там мостик, речка небольшая, Шать называлась, от, я же, вы понимаете, пацан был, юрки пацан, я иду сзади, мне интересно, что делается. Вот еврей с этими нашивками идет, тут по пути немцы идут, и он достает этот, трудно представить сейчас, бьют и гогочут.

– А Вы этого еврея знали?

– Нет, я его не..., я же его не видел, он упал, уже и не до того, посмотреть было интересно, сам ходу, скрыться

– А с какого расстояния Вы видели все это?

– Да ну сколько расстояние, метрау 30, может быть, не больше. А я с моей, и такое же расстояние, пока они стреляли, и я от немцау на таком же расстоянии был. Тогда уже не туда, а назад куда-то ходу.

– А Вы говорили, что Вы видели также женщину, как убивали еврейку. Это было в тот же день или в другой день?

– Нет, это другой день было. Она, вы знаете, наверно, это уже время было, когда массово расстреляли, ее не трогали. Люди молчали, не выдавали ее, она не похожа была, красивая очень, светлая

– Но она тоже из Шацка была, да?

– Да, жена этого, начальника сплауканторы. Потом, наверное, кто-то донес. Ее убили на моих глазах. А потом тетка пошла туда, через неделю, говорить: «А он, Бараноуски, с ума сошел, ходит вон голый по местечку».

– Когда Вы говорите, что убили на Ваших глазах, кто ее убивал?

– Немцы

– Это были немцы

– В немецкой форме

– Только немцы, там не было других, как бы, полицаев?

– В немецкой форме

– Полицаев не было

– Нет, полицейские были

– Тоже были

– свои полицейские были, уже ходили

– Но они участвовали в расстреле этой женщины?

– Нет, этой женщины немцы убили. Полицейским на первое время, они подобрали, пошли которые к немцам служить, подобрали оружие, которое я собирал. А потом им на свою одежду Шульцман повязки поделали такие, а потом выдали форму, черную форму с обшлагами серыми, ну, как в кино показывают, точно они.

– А женщину, жену Бороновского, ее где убивали?

– На улице прямо

– Это было в ее дворе, или она не была во дворе?

– На улице двор, там дом их я хорошо помню расположение

– Близко от ихнего дома?

– Но это не в самом доме, прямо на улице

– И она была одна на улице?

- А я у знакомых там тоже сидел и вышел. Когда выстрелили, все прячутся. Ну, и начали люди говорить, что кто-то подсказал немцам, предал. Ее долго оберегали
- А сколько там немцев было, тех, которые стреляли?
- Группа, может человек 5, 7
- А Вы как далеко находились от места происшествия?
- Я находился во дворе дома знакомых
- И как далеко это было?
- Ну, как далеко, может метрау 50. Выстрелили, убили, а потом пошли ее люли смотреть
- И Вы подошли потом, чтобы, и увидели
- Ну да, ее убрали хоронить же потом. А это трудно вспоминать, вы знаете
- И Вы говорите, что ее убили уже после, это было осенью уже?
- Да, это уже после массовых этих расстрелов, ее, наверное, ну, так говорили люди, кто-то выдал, что она еврейка, а на первый взгляд она не похожа была на еврейку, разговор чистый.
- А что случилось со всем имуществом евреев, которых убили?
- Ну, я ж вам говорю, что имуществом владели прислужники, полицейские разные, тоже мой учитель белорусскому языку преподавал, Ефим Николаевич Гуренович. Сначала стал батюшкой. Церкоу партизаны спалили или разрушили, был сельмах большой построенный, деревянный магазин, там торговали. Прибили на этом сельмаге кресты православные, и Ефим Николаевич стал священником. Церкоу эту опять, через какое-то время, я уже не знаю, может год прошло или два,

партизаны ворвались туда, подожгли, так тоже, деревянная сгорела. Тогда Ефим Николаевич стал бургомистром Шацка. А после освобождения у нас в райцентре был образован истребительный отряд, блуждающие ж немцы бодялись и полицейские. Лето было, рожь, кусты, вот был создан истребительный отряд районный. Военные подарили походную кухню, продуктау дали, кормился этот отряд. Командир отряда стал комбатом этим, и ходили группами партизаны вылауливать. Нарвались на этих двух: Сергевичского сельского совета и Шацкого, тот Наум, я его у глаза заню, а фамилию не..., Наум звали губатый, а Ефим Николаевич мой учитель. Им устроили самосуд люди, сами поймали и били их, избивали. Нарвалась группа партизан и забрала у их, привяла у райцентр. Я смотрю, Ефим Николаевич сидит на обочине, избитый весь, пожилой он уже был, наверное, за 70 лет было. Я говорю: «Ефим Николаевич, ну как же так? Вы мне двойки ставили за письмо к великому Сталину», не выучил, было такое письмо. «Ну, так Получилось, Володя» – упаушим духом таким – «Дай мне закурить». Ну, а я, пацан, не курил. Пошеу пособирали трофейных сигаретау, его уже тут нет, его посадили там, где немцы держали каталажку, милиция до войны была, она и после войны. я ему через решетку подал этия сигареты, и сам на фронт ушел. Из фронта я писал знакомым и родным: что с Ефимом Николаевичем? Мне ответил там Эля, наш одноклссник: по 25 лет им с Наумом дали, и оттуда они не вернулись.

– Откуда Вы знаете, что имущество евреев забирали такие люди, как Ефим Николаевич? Откуда Вам известно про это?

– Так как известно, я же ходил у этот Шацк по заданию и усе, на службе я не был у церкви

– Но Вы лично видели, как забирали вещи из домов евреев? Вы выдели сами?

– Нет, я этого не видел, я знал людей, которые с нашей деревни даже, заняли квартиру еврейскую и все имущество там, и другие, это был стимул, их же немцы стимулировали этим.

– Вы помните таких людей, как их звали? Таких помните по имени или по фамилии?

– Ну, Абрамович, он потом у район переехал, у районе был начальником полиции, а этих, Дубовик был, Иван Дубовик, Дубовикау много, но он такой чернявый, его цыган дразнили, ой, вот лицо крутится, не вспомню фамилию.

– Скажите, подвлуиста, а у вас, в вашей деревни, в Слопищах, были евреи? До войны у вас там жили евреи?

– Не, не, не было. Приезжал этот балагол с шолом, я и сам это делал, тряпки сдавал, яйца носил, даже без ведома мамы. Подушечки привозил, этия конфеты и соль, соду там, трапки дают женщины, а жить, не было жителей

– А уже, когда война закончилась, после войны, в Шацке остались евреи в живых? Вернулись? Были евреи местные?

– Я ж вам говорю, что я пять лет не был, не знаю

– А когда, вот, вернулись, после тех пяти лет

– Когда я вернулся, з евреев, я вам скажу, что кто до войны жил не было. Один появился, председателем колхоза прислали, Левин по фамилии

– Но это был местный, или его уже после войны прислали?

– Говорили, что он местный, Шацкий, но я его не знал

– А, понятно

– Но я работал в районе, в райкоме

– То есть один человек, Вы его знаете?

– Да, уцелел. Но почему один, Новодворец уцелел и Капущик Ёсель, он в партизанах, наверное, был, жиу, мне говорили, что он жиу. А вот где он тепер, я уже, мне трудносказать.

– Знаете, что я еще хочу понять, вот Вы говорили, что несколько, вот, например, Вы назвали 4 Ваших одноклассника, которые записались в полицейские. Получается, что когда они записывались в полицейские, они были очень молодые, в 41-ом им было 16 лет, в 42-ом им было 17 лет. Они могли в такие годы записаться в полицейские?

– Так вот какие они были, там не на лета немцы глядели, а на его физиономию. Вот я говорю, я был маленьким, меня на фронт не хотели брать даже. Были крепкие физические хлопцы, а это заманчивая штука побогатеть, сами просились, ишли, а что жалко. А потом уже немцы действительно мобилизовались, потом в этом же Шацке, слушайте, уже в 43-ем году, с весны, батальон украинцев добровольствовал в форме, держали в этом гарнизоне

– Но они были откуда-то приезжие?

– Приезжие, не местные. Батальон литоуцеу. Надо было гарнизон этот удерживать, это стратегический гарнизон был в районе, малые этыя разбежались по сельсоветам, а вот два до самого освобождения уцелели: в райцентре и у Шацке.

– Знаете, что я еще хочу спросить: кроме евреев, немцы убивали из гражданского населения, из мирного населения? Я не говорю про партизан, там другая история

– Немцы?

– Да. Ну, вот, про селян белорусов

– Ничего не заставляло, без дай причины убивали

- Вам знакомы какие-то случаи, знаете конкретно?
- С нашей деревни в один присест убили четырех
- Можете назвать кого-нибудь?
- Зубович Казимир, Зубович Иосиф, Дубовик Степан, четвертого не помню – четырех сразу убили, и говорят, они ездили брали подводы и грабили у населения и продукты, и другое. Говорят, что эти хлопцы между собой начали говорить по-русски, что сколько это может быть. Это было уже в конце 43-его года
- То есть этих Дубовичей расстреляли в 43-ем году, их расстреляли?
- Да. Но говорят кто-то слушал, понимал, что они говорят, ну, не надежно к немцам, не хорошо отозвались – тут же расстреляли. Может там этот Шурка был, дьявол их знает.
- Но они грабили с подводами, Вы сказали. Они работали на немцев, или они сами были?
- Нет, их мобилизовали, заставили ехать
- Понятно, чтобы они помогали что-то перевозить
- Да, они помогали, они, как сказать, как рабы
- И Вам об этом кто-то рассказывал?
- По принуждению
- То есть Вы сами лично не видели?
- Нет, я прятался уже подальше в это время, я уже в партизанах был
- Еще какие-то случаи, когда убивали местных, гражданское население, известно Вам?
- Мне было приказано, не мне, всем приказано аусвайс поделать, этия

– Паспорта

– Паспорта как бы, и сфотографироваться. А фотографии еврея побили, фотография была у мястечке, еврей фотографировал там, и много этих промыслов было. Фотография была от моей деревни километров 15, белорус, нас человек. Я пошел фотографироваться. Иду обратно. На двух машинах грузовых немцы на лауках едут, и прошло, наверное, пол часа, я к другой деревне подхожу – стрельба и горит все. Люди у Сергеевичах одни, немцы проехали через эту деревню, пристань горит, этой пристани у Хатыни есть перечни погибшие и убитые, тоже, кого захватили, но не все находились в этой деревне. Люди как-то вернулись, собрали, что осталось. Повторно наехали, другой раз через какое-то время. Ну, а потом уже партизанское движение, я вам скажу, у 43-ем году, зимой, к осени так распределилось, что за каждым отрядом была закреплена местность.

– Когда Вы говорите, что горела Пристань, какая Пристань, что за Пристань горела?

– Ну, деревня горела

– Так называлась деревня?

– Деревня называлась Пристань

– Пристань, да?

– Да.

– И Вы прямо видели, как Пристань горела?

– Конечно

– Как далеко вы находились от деревни?

– Я ж вам говорю, это километра 2 я находился, упереди, километра 2, большая Сергеевичи деревня, но Пристань была как бы к болоту ближе, к лесу, видимо база была,

проходили красноармейцы отставные, там, говорят, маршал Кулик Советского Союза, ну, он там и переодевался, и все. Тогда все слухами, разговорами полнилось, кого убили, кто в полицию пошел

– А Вы не знаете, когда война была, тогда с цыганами что-нибудь случилось? Убивали, или не слышали ничего?

– Как, первое, как война шла?

– да, во время войны

– Война началась, никто ничего не знал

– Нет, я хотела просить, Вы не слышали, цыган не убивали тогда?

– В нашей стороне цыган почти не было. Я не помню, про цыган не было такого разговора, их не было у нас. Евреев, вот, местечко и у райцентре, а вот это местечко было, ну, как бы, в центре. Были большие деревни близлежащие, ну, а тут не надо было никакой, они бедные сбившись были, и жили, и гора это переносили

– Когда Вы сказали райцентр, это другой, как бы, городок был?

– Райцентр это райцентр, Рудинск, он уже не райцентр

– Рудинск, да?

– А теперь поселок, и теперь есть

– А там, в Рудинске, Вам известно, что случилось с евреями в Рудинске?

– Тоже еврею побили и там, везде

– А откуда Вам про это известно?

– Ну, там даже уцелело несколько, я же уже говорю вам, в 50-ом году я секретарь райкома комсомола, и у еврею на

квартире была девушка комсомолка еврей. Не с войны они остались, выехавшие ж были некоторые

– С эвакуации

– Успели эвакуироваться, потом вернулись у свои дома

– То есть Вы уже после войны об этом узнали?

– Да, вот этот же самый Прупис, еще был Лapidус, они чистокровные евреи, но успели или уйти у партизаны, или эвакуироваться

– Спасибо Вам, мы остановимся здесь!

– Пожалуйста

– Если можно, я хотела бы задать еще один вопрос Вам?

– Пожалуйста

– Эти евреи из Шацка, когда немцы вошли в местечко, они стали собирать евреев куда-то? Там было какое-то гетто или что-то? Что случилось там?

– Я имею представление о гетто из разговоров, со встреч с евреями Минска, Пухович. У Шацке подобного, чтобы загорожено, отгорожено было еврейская часть – нет, они жили, как бы в местечке все такой кучкой

– Но они жили по своим домам, или их куда-то завезли?

– Нет, никуда их никто не водил. Их повытаскивали из своих домоу, собрали и расстреляли. А первоначально, я ж вам говорил, они какой-то совет создали, старейших собрали еврею и сказали ценностей столько-то выложить, золото

– А Вы не помните, кто рассказывал Вам про это, про ценности?

– Ой, что вы, я этого не помню, это, даже, рассказывали, передавали и сами евреи даже, которые это выполняли. У их был какой-то, немцы приказали с авторитетных евреев создать группу, и они через них влияли, пока не расправились окончательно со всеми ими

– И то есть получается, что вплоть до расстрела они все жили у себя по домам?

– Они жили кучкой своей. Они горевали, беседовали

– Но жили по своим домам. Я правильно поняла?

– По своим домам, по своим, нигде. Вот, я ж говорю, мой случай, когда, это в деревне все знали, что приехала семья еврея, у которых я 4 зимы жил, а чтобы... я же ходил, меня посылали чуть не каждую неделю, и сам для интереса ходил, со своими одноклассниками встречался. Чтобы где-то выселили, ну, или огородили немцы – не было такого.

– Хорошо. Спасибо Вам большое!

– Пожалуйста